

АННОТАЦИИ

I. E. Karayannopoulos

ΠΗΓΑΙ ΤΗΣ ΒΥΖΑΝΤΙΝΗΣ ΙΣΤΟΡΙΑΣ

Thessaloniki, 1970, 495 p.

Книга салоникийского ученого И. Караяннопулоса задумана очень интересно — как опыт сводной характеристики и классификации источников по византийской истории, расположенных в хронологическом порядке. Автор разделяет источники на три большие неравноценные группы. Первая из них называется *γεγονότα* или *συμβάντα*, т. е. события, факты («данность»), и Караяннопулос относит сюда язык (включая диалекты, топонимику и ономастику) и музыку. Вторая — памятники изобразительного искусства (архитектуры, живописи, ювелирного дела и т. п.). Третьи — памятники письменности, разделяемые на рукописи и надписи; к последним причисляются монеты и вислы печати. Наиболее обширный разряд — рукописные тексты — распадается в свою очередь на четыре семьи: нарративные (в том числе исторические, богословские, житийные и литературные), документальные (государственные, церковные и частно-правовые), тексты делового содержания (правовые, медицинские, математические, биологические и пр., а также трактаты по военному делу) и папирусы (стр. 22—25). Караяннопулос включает в сводку не только греческие, но и иноязычные: латинские, старофранцузские, славянские, восточные и т. п. сочинения.

Уже эта классификация заслуживает внимания как первый опыт подобного рода в византиноведении, — однако она не представляется безупречной. Почему музыка включается в один разряд с языком, мне неясно. Музыка — один из видов искусства, творимый человеческим гением, и византийская музыка дошла до нас в особых нотных рукописях. Приемы ее исследования и ее место в жизни общества — иные, чем у языка. Выделяя памятники изобразительного искусства, Караяннопулос оставляет в стороне памятники материальной культуры в широком смысле слова (одежда, орудия, оружие и т. п.). Занесение монет и печатей в разряд письменных памятников односторонне: в самом деле, монета или печать не сводятся к тексту, к легенде — они изучаются и иконографически, и как предметы быта (исследование веса монет и состава их металла). Рукописные памятники классифицируются по разным принципам: папирусы выделены по характеру материала, остальные семьи — по содержанию. Включение богословских сочинений в семью нарративных памятников вряд ли может быть обосновано. Правовые тексты по своему функциональному характеру резко отличаются от медицинских и математических — включение их в одну семью нецелесообразно. Напротив, правовые тексты во многом близки к документам. Замечаний такого рода можно было бы высказать еще немало — во всяком случае, было бы желательно широко обсудить принципы классификации источников по истории Византии.

Хронологический принцип, положенный в основу книги Караяннопулоса, — наиболее удобен. Вопрос, однако, состоит в том, что разумнее: механически делить по столетиям (как сделано в рецензируемой работе) или построить периодизацию по определенным этапам. Так, отнесение Никифора Вриенния и Анны Комниной к разным разрядам (то же касается Киннама и Никиты Хониата) вряд ли может быть оправдано.

Каждая статья книги состоит из краткой характеристики автора (или анонимного сочинения), сопровождающейся указанием на издание (одно, а иногда — несколько). Переводы отмечаются лишь изредка. В некоторых случаях оговорено значение памятника и его источники. Литература не приводится, что дает колоссальную экономию бумаги, но резко снижает научное значение книги.

Сводка Караяннопулоса — выборочная. Многих авторов нет вовсе. Почти совсем не учтены западные историки I и II крестового похода, в том числе Одо Дейльский, детально описавший Константинополь. Отсутствует и Гийом Тирский. Нет и ряда византийских писателей, например Михаила Италика и Иоанна Цеца. Указано Житие Симеона Богослова, но его произведение не названо. Сочинения ведущих византийских авторов перечислены не полностью — например, опущены речи и письма Никиты Хониата. Большие трудности порождает включение в сводку нумизматических, сигиллографических, эпиграфических данных и документов. Караяннопулос указывает

их суммарно, без достаточно четкого хронологического расчленения, со ссылками лишь на выборочную литературу.

Характеристики памятников не всегда бесспорны. Так называемая «Записка готского толарха» безоговорочно датируется концом XI—началом XII в. (стр. 290); из двух Георгиев Торников XII в. назван один, живший при Исааке II, но ему атрибуированы издаанные Ж. Даррузесом сочинения одноименного митрополита Эфесского, другого лица (стр. 310).

Имеются пропуски и погрешности в библиографии. Так, новелла Константина IX, приписанная Иоанну Мавроподу (стр. 269) (об авторстве ее, кстати сказать, идет спор), издана А. Салачом, что не учтено Караяннопулосом. «Книга эпарха» не была издана М. Я. Сюзюмовым в Свердловске в 1949 г. (стр. 251).

При всех недочетах и спорных положениях книга Караяннопулоса не только дает обозримую сводку разнообразных источников по истории Византии — ее значение еще и в том, что она ставит задачу создания действительно полного пособия по византийскому источниковедению, которое могло бы вытеснить из употребления работу Крумбахера, сыгравшую огромную роль, но теперь уже устаревшую.

А. К.

Syméon le Nouveau Théologien. HYMNES

Introduction, texte critique et notes par J. Koder, traduction par J. Paramelle et L. Nayrand, t. I—II. Paris, 1969—1971, 301 p., 499 p.

Издательство Серф выпустило за последние годы в серии Sources chretiennes важнейшие сочинения Симеона Богослова: «Главы», «Огласительные беседы» и так называемые «Богословские и этические трактаты», к которым теперь можно присоединить и «Гимны»; греческий текст гимнов критически издан молодым австрийским ученым И. Кодером, а французский перевод подготовлен Ж. Парамелем (т. I), известным в качестве переводчика «Огласительных бесед», и Л. Нейраном (т. II). Перевод сопровождается пояснительными комментариями. В первом томе гимнам предпослано обширное введение. (Т. II вышел, когда эта аннотация была уже написана.)

Во введении Кодер прежде всего устанавливает наличие трех редакций гимнов¹. Первая представлена Patm. 427 (начало XIV в.), его копией — Vat. 1782 (а. 1584) и рядом других; вторая — Paris. Suppl. 103 (XIV в.)² и несколькими более поздними манускриптами; третья — прежде всего Marcian. 494 (XIII в.). Эта рукопись, на первый взгляд, производит хорошее впечатление, но она содержит, по мнению Кодера (стр. 44), ряд привнесенных писцом искажений и не может служить опорой для издания. Сложность, однако, состоит в том, что в ряде случаев Марциана дает метрически правильный текст там, где рукописи I и II редакций искажают стихотворную метрику. Предполагать, что автор систематически нарушал ритм и что его в дальнейшем «исправил» переписчик, означало бы, на мой взгляд, строить слишком сложную гипотезу.

Помимо метрической корректности, Марциана дает в некоторых случаях более осмысленное чтение. Так, в гимне XXV, 122 издатель принимает чтение τῶν ἡδονῶν ἐραστῆς, а не ἐργάτης, как стоит в Марциане, хотя термин ἐργάτης в аналогичном контексте характерен для Симеона: например ἐργάτης... παρανομίας (гимн I, 51; ср. XX, 112). Более сложен пассаж в гимне XXVII.96—102, где Кодер читает ἡγεγονότες и παρακίφατες, а не -τας, как в Марциане, в результате чего получается, что заключенные, выйдя из тюрьмы (τῆς φυλακῆς ἔξωθεν ἡγεγονότες), не могут видеть солнца; не естественнее ли принять, что они не видят тех, кто находится вне тюрьмы (τῆς φυλακῆς ἔξωθεν ἡγεγονότας)? Далекий от того, чтобы считать Марциану лучшей рукописью, я все-таки полагаю, что Кодеру не удалось доказать превосходство первых редакций перед нею.

Особое место в рукописной традиции «Гимнов» занимает 504. Ватиканский манускрипт много старше других — он датируется 1105 г. по приписке монаха Иоанна Халда (?) (стр. 32 и сл.). Правда, он содержит только XXI гимн с серьезными разночтениями (стр. 47 и сл.). Эти разночтения служат Кодеру основанием для построения смелой гипотезы, согласно которой Ватиканский манускрипт донес до нас оригинальный текст гимна, а остальные рукописи — переработку Никиты Стифата (стр. 48 и сл.). К сожалению, подтвердить эту гипотезу невозможно. Кодер характеризует также предисловие Стифата к «Гимнам» и схолии, известные преимущественно по Марциане; что касается самих «Гимнов», то издатель останавливается главным образом на вопросах языка и метрики. В этой связи, заслуживает внимания замечание Кодера о том, что к Псевдо-Дионисию Ареопажиту был ближе Стифат, чем сам Симеон (стр. 79).

Из общего ряда гимнов выпадает XIX. Его отличают прежде всего не характерные для Симеона ссылки на отцов церкви (стк. 79—81, 108). И по существу гимн XIX

¹ См. об этом подробно: J. Koder. Die Hymnen Symeons, des Neuen Theologen. — JÖBG, 15, 1966, S.175—179.

² См. специально: A. Kambylis. Eine Handschrift des Mystikers Symeon. — «Scriptorium», 22, 1968, S. 20—34.